

Среди тех, кто последовал за семьёй Гу из дома Цинь Чжуна, было несколько обычных охранников. Охранники отличались от простых слуг, которые обычно были рабами, проданными в услужение. Большинство охранников были крепкими парнями из добропорядочных семей. В таких семьях могли вырастить таких детей с могучими спинами и сильными руками, и их благосостояние было как минимум стабильным. Дети из таких семей не только не отправлялись на поле боя, но и даже не занимались такими делами, как забивание кур или овец. Говоря прямо, они были крупными и сильными, но на самом деле никогда не видели крови, и каждый из них был лишь пустой оболочкой.

Когда эти охранники семьи Гу догнали их, они увидели, как господин Гу Фэн, получив удар мечом в спину, упал на землю. Господин Гу Мо, охваченный яростью, выглядел как демон. В мгновение ока от деревни остались лишь трупы, разбросанные повсюду.

— Господин Мо, это... это...

Охранники, неожиданно увидев множество трупов, некоторые из них сразу же вырвали, а остальные стояли на месте, дрожа и покрываясь холодным потом. Если бы вокруг не было пустынной местности, они бы уже с криками убежали. Гу Мо, холодно усмехнувшись, сказал:

— Оставьте несколько человек охранять место происшествия, никому не разрешайте трогать. Эти люди не из деревни. В какой деревне есть только молодые мужчины, да ещё и одетые в одинаковую одежду?

Сказав это, он поднял Гу Фэна. Состояние Гу Фэна было тяжёлым, его голова беспомощно болталась из стороны в сторону при движениях Гу Мо. Гу Мо пристально посмотрел на него, аккуратно прижал его голову к своей груди.

Гу Фэн был худощавым, и жилы на его шее пульсировали прямо перед глазами Гу Мо. Его заострённый подбородок был покрыт щетиной, а лицо было испачкано смесью пота и крови, превратившейся в грязь. На губах было несколько трещин. Глаза едва прикрыты, но при ближайшем рассмотрении можно было разглядеть зрачки, похожие на чернила. Веки опухли и были ярко выражены. На теле было множество ран, одежда была изорвана и уже невозможно было определить её первоначальный цвет. На ткани, покрытой чёрными пятнами, невозможно было понять, кровь это или грязь, она была жёсткой и торчала во все стороны.

Гу Мо, прижимаясь щекой к макушке Гу Фэна, сквозь зубы произнёс:

— Я здесь. Твоего сына тоже спасли. Ты сначала поспи, а когда поправишься... когда... — голос его дрогнул. — Ты поспи, всё будет хорошо. Всё будет хорошо.

Гу Мо плюнул в сторону тех ложных охранников и произнёс:

— Даже если они далеко, их ждёт возмездие. Пока не умру, не успокоюсь.

Затем он снял пояс и аккуратно привязал Гу Фэна к себе, одной рукой крепко обняв его, а другой держа поводья.

— Я отправляюсь за Чжу Юем, вы ждите здесь. Если позже появятся чиновники, и место происшествия будет тронут, вы... — Гу Мо направил окровавленное копьё на явно растерянных слуг дома Гу. — Вам всем не сбежать.

Хотя эти люди были из дома Гу, они не были знакомы с Гу Мо. Нельзя их винить, ведь Гу Мо с детства рос в армии, а несколько лет назад его вызвали обратно и вскоре выдали замуж, так

что с людьми из дома Гу он был знаком лишь поверхностно. Когда их вызвал Цинь Чжун, они не знали, что может произойти, а теперь, увидев такую сцену, они потеряли всякую уверенность. Они смотрели друг на друга, не решаясь заговорить.

Зато старые солдаты армии семьи Гу, глядя на братьев Гу на лошади, сверкали глазами и громко говорили:

— Не волнуйтесь, второй господин!

— Второй господин, поезжайте скорее, я, старый Цзян, тут всё улажу!

— Спасение жизни важнее, оставьте это нам.

Гу Мо ехал на обычной лошади, а теперь, с двумя людьми на спине, лошадь шла с трудом. Гу Мо, с одной стороны, защищал Гу Фэна, а с другой — был настороже.

Когда они выехали на большую дорогу, Гу Мо слегка расслабился. Но вскоре он услышал топот копыт. Гу Мо остановил лошадь, прислушался — звук был хаотичным, явно не от одной лошади, и они то шли, то останавливались, будто что-то искали. Гу Мо почувствовал, как по спине пробежал холодок, достигнув макушки, и его всего передёрнуло.

Они находились посреди дороги, местность вокруг была открытой, ближайшее укрытие было далеко, и спрятаться было невозможно. Впереди дорога уходила в небольшой лес, откуда и доносился топот копыт. Гу Мо одной рукой поднял копьё «Рассекающее Облака», понимая, что сражаться одной рукой будет сложно.

Здесь негде было спрятаться, некуда было укрыться, оставалось только идти вперёд.

Яркое солнце, жёлто-оранжевая земля, Гу Мо выпрямился в седле, излучая уверенность, будто «одним мечом сможет сразить миллион солдат». Он не отрываясь смотрел на лес, и наконец на краю деревьев показался край одежды, а затем выехали четыре всадника.

Тёмная одежда! Гу Мо сглотнул, он точно помнил, что преследователи Гу Фэна были одеты в одежду такого цвета, немного светлее чёрного, в Великой Ю такой цвет называли «тёмным». Если это действительно были те, кто преследовал Гу Фэна, то... Гу Мо потрогал спрятанные на теле метательные орудия, давно не точенные, некоторые уже заржавели. Он быстро обработал их после выхода из города, но теперь не был уверен, что сможет вернуть былую точность.

Он слегка приоткрыл губы, сделал несколько вдохов. Холодный весенний ветер наполнил его лёгкие, пронизывая до костей. Вдали один из людей засунул руку за пазуху, Гу Мо прищурился, подумал, затем отвязал Гу Фэна от себя и привязал его к лошади, оставив на ней отметку «Тринадцать Ястребов».

Тринадцать Ястребов! Гу Мо вдруг оживился, достал свисток «Тринадцать Ястребов» и, вложив в него всю силу, свистнул.

— Чиу!

Свист взмыл в небо.

Видимо, затупились не только метательные орудия, но и я сам, подумал Гу Мо.

Затем он увидел, как один из четырёх всадников, ехавший последним, поднёс руку ко рту и

свистнул, а затем начал махать руками. Гу Мо на мгновение замер, а затем рассмеялся. Это была Железная Голова! Лидер «Тринадцати Железнокровных Ястребов». Жизнь слишком полна неожиданностей, взлётов и падений, и Гу Мо снова покрылся потом, а холодный весенний ветер заставил его вздрогнуть.

— Господин! Господин! — кричала Железная Голова, мчась к нему.

Гу Мо тоже крикнул:

— Железная Голова!

Теперь он понял, что приближающиеся люди были своими! Гу Мо медленно поехал вперёд, чтобы встретиться с ними.

Они не остановились, но шли не спеша. К тому времени, как они добрались до станции, уже наступила ночь.

Гу Фэн был тяжело ранен, рана на спине снова открылась, кровь прилипла к одежде, и её нельзя было снять или оторвать. Гу Мо, бывая на войне, не раз получал ранения, и никогда не боялся обрабатывать свои раны. Но сейчас, возможно, из-за того, что он давно не занимался этим, его руки дрожали, а слёзы, висящие на ресницах, давили на глаза. Он мечтал о физиологическом растворе или йоде, чтобы промыть рану, но знал, что это невозможно.

Авторское примечание:

На самом деле Гу Мо не очень разбирается в древней поэзии.

«Смотреть на небо утром и на облака вечером» — это строка из стихотворения Тан Боху «И Цзянь Мэй», обратите внимание, это не Фэй Юйцин!

«И Цзянь Мэй» — «Дождь бьёт по грушевым цветам, двери закрыты»

(Мин) Тан Инь

Дождь бьёт по грушевым цветам, двери закрыты, забыл юность, упустил юность.

Кому рассказать о радостях? Под цветами душа теряется, под луной душа теряется.

Грусть собирается на бровях, весь день хмурятся, тысячи следов слёз, десятки тысяч следов слёз.

Смотреть на небо утром и на облака вечером, иду — думаю о тебе, сижу — думаю о тебе.

О, хо-хо, второй принц очень харизматичен.

Кроме того, есть ещё два весьма чувственных стихотворения:

«Цин Юй Ань» — «В прекрасную ночь свет лампы собран, как бобы»

(Северная Сун) Чжоу Баньянь

В прекрасную ночь свет лампы собран, как бобы.

Хорошие дела, сегодня ночью есть.

После вина и песен люди разошлись.

Пипа тихо положена, голос дрожит, свечи погашены, и они приближаются.

Нежное тело прижимается к человеку, как это тепло.

Лёгкая нежность превращается в шёпот.

Дождь рассеялся, облака ушли, брови нахмурены.

Только боюсь, что это станет известно, и тогда я буду в замешательстве.

«Погасить свечи и приблизиться», древние тоже ценили гармонию, гасят свечи и сразу начинают...

Другая строка от старого мастера Лю Юна:

«Цзюй Хуа Синь» — «Средний тон»

Лю Юн

Хочу закрыть ароматные занавески и говорить о нежности.

Сначала соберу брови, грущу о короткой ночи.

Тороплю молодого человека, сначала иди спать, пусть постель согреется.

Через мгновение брось иголку и нитку.

Сними шелковую одежду, наслаждайся безгранично.

Оставь свет перед занавеской, чтобы время от времени видеть её прекрасное лицо.

Видите, видите, кто настоящий старый мастер, кто мастер гармонии!! Ничего ниже шеи!!

ОК, в любом случае,

Свет выключен или нет,

Довольны ли вы тем, что видите? (Эта фраза лучше всего сочетается с загадочной улыбкой босса.)

<http://bllate.org/book/16674/1529551>